

МУСТАФА КЕМАЛЬ АТАТЮРК И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НОВОЙ ТУРЦИИ

Н. П. Горошков

Воронежский государственный университет

Ю. С. Шподарева

Отдел культуры телекомпании «Такт» (г. Курск)

Поступила в редакцию 31 мая 2021 г.

Аннотация: анализируется деятельность Мустафы Кемала Ататюрка в социально-культурной сфере Турецкой Республики.

Ключевые слова: Мустафа Кемаль Ататюрк, Турецкая Республика, кемализм, национализм, западничество, культура, реформы, образование.

Abstract: the article analyzes the activities of Mustafa Kemal Ataturk in the socio-cultural sphere of the Republic of Turkey.

Key words: Mustafa Kemal Ataturk, Republic of Turkey, Kemalism, nationalism, Westernism, culture, reforms, education.

В 2021 г. исполняется 140 лет со дня рождения Мустафы Кемала Ататюрка (1881–1938), который оказал огромное влияние на турецкое общество. Независимая сильная личность, он начал борьбу за новую Турцию и одержал решающую победу, основав в 1923 г. современное государство, после чего тратил свою энергию на модернизацию политики, экономики и культуры. Именно реформы в культурной сфере, особенно в 1930-е гг., вывели страну на уровень современной цивилизации, развили и обогатили духовную жизнь страны [1, s. 7].

Современная турецкая историография, используемая нами в данной статье, в комплексе идеологических принципов, получивших в дальнейшем название «кемализм», в 1937 г. включенных в Конституцию, 2-я статья которой объявляла турецкое государство «республиканским, националистическим, народным, этатистским, светским и революционным», решающее значение придает, с одной стороны, национализму, а с другой – «западничеству», хотя официально и не вошедшему в его основы.

В течение 624 лет турки жили в условиях османского сообщества: мусульманской *уммы* в окружении народов, различных по национальному и конфессиональному составу. Это многообразие вызывало противоречия в пестрой социальной среде, ставшие впоследствии частью наследия, перешедшего от Османской империи к Турецкой Республике. Осознав

важность культуры для обеспечения целостности государства, Мустафа Кемаль подготовил теоретическую модель обновления культурной жизни нации [Ibid., s. 12]. Основой этой модели было преобладание национализма, первостепенности национальных ценностей, в отличие от романтически-утопических идей панисламизма, османизма и прожектерства пантюркизма.

Ататюрк, воевавший в годы Первой мировой войны, а затем Войны за независимость с Западом, тем не менее позиционировал европейские державы в качестве эталона для своей страны, а затем, стремясь приблизить турецкий социум к этому ориентиру, выдвинул на первый план культурно-цивилизационный аспект. Свобода, независимость, светское государство являются основными понятиями европейской цивилизации, то, что делало Запад Западом, – результат усилий множества народов. Следовательно, считал Мустафа Кемаль, укрепляя свою национальную культуру, в спектре других способствуешь процессу модернизации страны. Осознавая эти закономерности, он стремился заложить основы государства, с одной стороны, опирающегося на тюркское наследие, а с другой – на исторический опыт Европы, и по этой причине начал долгую и утомительную борьбу со старыми устоями, направленную на развитие культуры и культурного сознания нации.

Преодоление отсталости, выход на передовые позиции должны были произойти, по замыслу Мустафы Кемала, путем преобразования политеократи-

ческой империи, основанной на религиозном мировоззрении к государству, построенному на секуляристских принципах лаицизма. Светское государство должно было стать следствием приоритетной роли, которая была отведена национализму, возвышающему людей над религиозными чувствами.

Мустафа Кемаль приступил к социально-культурной трансформации общественной жизни в тот период, когда в представлениях ученых понятие «культура» вступает в противоречие с понятием «цивилизация». Турецкий социальный психолог Мюмтаз Турхан писал: «Культура – это такое целое, состоящее из материальных и духовных ценностей, которыми обладает общество, включает в себя разные виды информации, связи между индивидами, привычки, мировоззрение, менталитет, а также правила поведения. Все это вместе определяет особый образ жизни, который является общим для всех индивидов этого общества и отличает его от других обществ» [2, с. 48]. Цивилизация же дает средства, которые человек использует для достижения своих целей, в то время как культура сама по себе и является целью, т. е. она – символ нации, а цивилизации – символ собственности нации [Ibid.]. Другие турецкие ученые придерживались иной точки зрения. Так, например, Ибрагим Кафесоглу проводил различие между понятиями и считал, что разница существует, прежде всего, с точки зрения науки, «социальные и технические институты, принадлежащие определенной общине», составляют культуру, а «международные социальные и технические институты» образуют цивилизацию [3, с. 16], культура, таким образом, носит уникальный характер, а цивилизация – всеобщий, так как каждое общество имеет свою собственную культуру, а цивилизации появились в результате объединения этих культур [1, с. 15]. Одним из кумиров Ататюрка был турецкий социолог, историк и политический деятель Зия Гёк Альп (1876–1924), который дифференцировал данные понятия: «Культура есть гармоническое целое восьми аспектов социальной жизни нации – религиозного, морального, законодательного, интеллектуального, этического, экономического, лингвистического и технологического. Цивилизация – единство основ социального бытия многих наций, живущих на одном континенте и тесно связанных в культурном отношении» [4, с. 54]. Однако Мустафа Кемаль, вопреки авторитетам, посчитал, что нет необходимости разделять эти два понятия. По его мнению, культура и цивилизация существуют неразрывно друг от друга и представляют собой сочетание того, что человек может сделать: а) в государственной сфере; б) интеллектуальной сфере, т. е. науке, социальной сфере, искусстве; в) экономической жизни, т. е. сельском хозяйстве, промышленности, торговле, транспортном сообщении по суше, морю и воздуху [1, с. 16]. Устра-

нив дихотомию между понятиями и положив конец их различию, он стремился показать, что западная культура универсальна и что турецкая нация тоже внесла в нее значительный вклад.

Действительно, османское господство на территории европейских стран не могло пройти незаметно. Империя оставила свой отпечаток на быте, языке, искусстве стран юга и востока Европы. Мустафа Кемаль оперировал этими фактами в идеологических целях, чтобы показать уникальность и значимость турецкой нации для мировой истории и культуры. Акцент на европейских странах также вполне логичен, если помнить о том, что общая тенденция политики основателя республики – европеизация, поэтому было важно показать, что Турция гораздо ближе к Западу, чем к Востоку, и внедрение европейских ценностей в турецкое общество вполне уместно и закономерно. Ататюрк выдвинул модель, которая предусматривала модернизацию и в то же время сохранение самобытности турецкой культуры, показывая ее уникальность и придавая импульс развитию. Его целью было построить сильное современное государство с высокоразвитой культурой, и на этом пути он отдал приоритет укреплению национальных чувств и достоинства [Ibid.].

Обращаясь к прошлому, можно заметить, что в политике Османской империи очень слаб культурный вектор. Основная причина отсутствия весомых преобразований – наличие огромного количества этносов, населявших империю, и, как следствие, невозможность достижения в государстве культурного единства ее всех народов. Кроме того, турецкая идентичность была отодвинута на задний план, а национальное самосознание оставалось слабым. Однако, несмотря на определенного типа обструкцию, вопросы культуры вошли в новых условиях в повестку дня. Более актуальными они становятся после победы младотурецкой революции в 1908 г., когда была восстановлена Конституция 1876 г., отмененная султаном Абдул-Хамидом II (1876–1909). Так в стране была вторично установлена конституционная монархия. Эта эпоха в турецкой историографии носит название «Второй Мешрутиет». Ататюрк, таким образом, не был первым, кто восхищался западной цивилизацией.

Волна восстаний в первой половине XIX в., территориальные потери, экономические проблемы заставили правительство Османского государства начать реформы еще в 1839 г., которые вошли в историю как эпоха *Танзимата* (1839–1876). Однако проведенные преобразования не принесли существенных результатов. Они затронули многие сферы общества, но носили поверхностный характер и не привели к коренным изменениям общества. Ожидаемой модернизации, усиления власти и ослабления экономиче-

ской зависимости от европейских держав путем приспособления существующего строя к западной жизни так и не произошло. «Османские порядки были замкнуты в круге, ограждены непроницаемыми стенами... Все попытки реформ не выходили за пределы этих стен» [5, с. 262]. В дальнейшем младотурецкий режим (1908–1918) уже в этот период искал пути сближения с Европой. Эпоха явилась поворотным моментом, возрастающая оппозиция существующей власти, политические и экономические проблемы, проигрыш в Триполитанской (1911–1912) и Первой Балканской (1912–1913) войнах привели к серьезному кризису, что вновь повлекло за собой волну дискуссий на тему Запада и западной цивилизации. На этом этапе младотурки стали первыми, кто будировал проблемы национальной культуры. Тема поднималась в издаваемых младотурками газетах, например, в «Шурá-и Уммét» («Совет общины»), наиболее влиятельной среди всей вольной прессы младотурок и сыгравшей немалую роль в пробуждении среди турецкой интеллигенции патриотических чувств и недовольства существующим режимом [6, с. 260]; «Мешверét» («Дебаты»), которую издавал в Париже один из лидеров младотурецкого движения Ахмед Реза-бей (1858–1930) с 1895 по 1908 г. Основой дискуссий были вопросы о том, что можно и что не нужно перенимать у Запада, что является важной частью культуры и цивилизации. Интеллектуалы были согласны с необходимостью заимствовать некоторые черты, но между ними возникли разногласия в вопросе, что именно это должно быть. Консерваторы считали, что такие достижения, как наука, искусство, новейшие вооружения, действительно следует позаимствовать, но не более. В то же время были те, кто считал, что османское общество должно кардинально измениться и стать полностью похожим на западное. Однако за рассуждениями не следовало никаких конкретных действий. Эти дискуссии, в гущу которых находился Мустафа Кемаль, впоследствии повлияли на его взгляды, помогли выявить проблемы и найти решения, чтобы реализовывать в дальнейшем политические решения в новом государстве [1, с. 18].

Задолго до Войны за независимость, еще в 1907 г., когда Мустафа Кемаль был молодым офицером штаба, он уже тогда имел далеко идущие планы: «Чтобы установить новый социальный порядок, мы должны стереть социальные различия между мужчинами и женщинами. Мы должны заменить письменность, которая является препятствием для нашего приближения к западной цивилизации, на латинский алфавит, мы должны следовать за Западом во всем, вплоть до одежды. Мы уверены, что однажды это случится» [7, с. 915]. Становится ясно, что необходимость преобразований, в том числе и в области культуры, со-

вершавшаяся во время существования республики, возникла не на пустом месте.

Несомненно, в новой Турции необходимо было выстроить определенные экономические, политические и социальные основания для проведения реформ в области культуры [1, с. 18]. Так, созданный в Измире в феврале 1923 г. экономический конгресс стал важным поворотным моментом в развитии экономики. На этом форуме, который проводился в то время, пока республика еще не была провозглашена, а светское государство еще не было создано, уже обсуждались насущные проблемы и было принято решение взять курс на развитие либеральной экономики. Это показывает, что Ататюрк уже тогда стремился повернуть развитие нового государства на западный путь и создать демократическую среду, подобную той, которая существует в Европе.

29 октября 1923 г. была провозглашена республика и до 1930 г. шло активное внедрение прогрессивных реформ. Однако 1929 г. стал переломным моментом – разразился мировой кризис, «Великая депрессия» отразилась и на экономике молодого турецкого государства. В связи с этим идея проведения либеральной экономической политики оказалась несостоятельной, и государство было вынуждено изменить свою политику, чтобы минимизировать возможный ущерб. Изменения в тот момент затронули и культурную политику. Отныне экономика основывалась на этатизме, а культура – на национализме.

Современная турецкая историография в какой-то мере оправдывает авторитарный политический режим, установившийся по субъективным и отчасти объективным причинам в республике. Процесс строительства современной партийно-политической системы начался 10 мая 1921 г., когда Мустафа Кемаль организовал в Великом национальном собрании Турции (ВНСТ) «Группу защиты прав Анатолии и Румелии». 11 сентября 1923 г. она оформилась как политическая партия, принявшая название «Народная», а с 10 ноября 1924 г. стала «Народно-республиканской партией» (далее – НРП), отражавшей важные принципы «кемализма». В 1924 г. генерал Казым Карабекир создал оппозиционную «Прогрессивно-республиканскую партию» (далее – ПРП), однако в том же году восстание курдов под предводительством шейха Саида послужило основанием для наложения запрета в 1925 г. на работу ПРП и позволило таким образом ликвидировать легальную оппозицию. Основатель и лидер политического объединения был обвинен в связях с шейхом Саидом и попытке подорвать власть нового правительства.

До 1930 г. никто не мог противостоять НРП и претендовать на власть. Это продолжалось до тех пор, пока дипломат Фетхи Окьяр не обратился к главе государства с идеей о переходе к многопартийности,

которая является одним из условий существования демократии. Концепция политического плюрализма получила вторую жизнь и была реализована путем создания «Свободной республиканской партии». Так же, как и в 1924 г., на нее возлагались большие надежды [1, s. 18]. Однако после усиления поддержки со стороны исламистов, гораздо более стремительно, чем ожидалось, партия также была удалена с политической арены через три месяца существования. Мятежи, восстания, прямая обструкция новой власти показали, что создание легальной оппозиции, системной и внесистемной, еще далеко от реализации. Переход требовал времени, и поэтому Мустафа Кемаль был вынужден приостановить демократический процесс. Дальнейшая реформа политической системы была отложена в долгий ящик. «Не будем питать иллюзий, совершенная нами революция еще не понята по-настоящему народом, который пребывает в неведении – сокрушались кемалисты. Ускоренный темп реформ, происходящих одна за другой, приводит его в замешательство, народ в растерянности и опрометчиво кидается в ряды реакционных движений. Ему приказывают носить шляпу? Он соглашается ее надевать. И вы воображаете, что он делает это от чистого сердца? Нет, на самом деле народ в настоящий момент против того, чтобы носить шляпу...» [5, с. 263]. Характерная деталь: реформа в отношении одежды, по сути, стала революционной, потребовалось издание специального закона, предписывавшего туркам носить шляпы и другие атрибуты европейской моды. «На ногах ботинки или туфли, затем брюки, жилет, рубашка, галстук, и, естественно, все это завершает головной убор, защищающий вас от солнца, – это шляпа. Некоторые считают это недопустимым, но Мустафа Кемаль заявлял, что люди невежественны, и спрашивал, почему носить греческий головной убор – феску – можно, а носить шляпу нет?» [там же, с. 258]. Однако консерваторы от ислама по-своему правы, так как совершать мусульманскую молитву – «салят» (араб.) или «намаз» (тур.) – разрешается только в головном уборе, принимая земные, коленно-преклоненные позы и прикасаясь лбом к полу; феска не препятствует действию, а вот полы шляпы совершать «битие челом» объективно не позволяют.

Разумеется, политический и экономический кризисы, напряженность в обществе вызывают социальный и культурный коллапс, мешают проведению сбалансированной внутренней и внешней политики. Действительно, проблемы, с которыми столкнулась страна в конце 1920-х гг., поиски их решения тормозят проведение культурных преобразований. После того, как мировой экономический кризис завершился, правительству путем сбалансированной политики все же удалось преодолеть его последствия. Турецкое общество почувствовало перемены и свою безопас-

ность, что, безусловно, стало импульсом к началу проведения в полной мере культурной политики с 1931 г. [1, s. 20].

Проводя новый этап преобразований, Ататюрк стремился сделать культуру доступной для всей турецкой нации с целью превратить каждого турка в просвещенного гражданина. Он начал процесс модернизации с мысли о том, что идея и действие должны идти рука об руку, чтобы новые подходы прочно закрепились в сознании людей. Он поставил великие задачи перед интеллектуалами, которых считал одним из важных инструментов развития, воспитания и просвещения нации. Мустафа Кемаль, который осознал богатство и важность турецкой культуры, стал пионером многих мероприятий, от собрания исторических и языковых конгрессов до организации подготовки художников, создания консерваторий и других учебных заведений. Он пошел более правильным и дерзким путем, верящий в правильность своих убеждений сильнее, чем кто-либо другой, и доказал свои лидерские качества всему миру [Ibid., s. 21].

Претворяя в жизнь изменения в любой сфере, следует учитывать наличие определенных условий. Достижимость и обоснованность реформ должны были быть подкреплены харизмой и авторитетом, а также образованностью того, кто направляет и управляет этими изменениями. Тогда новые идеи будут приняты обществом. К тому же важна роль молодых людей, которым, в отличие от старшего поколения, в большинстве не свойственен консерватизм. При наличии этих факторов можно сказать, что в обществе готова почва для более легкого осуществления реформ [Ibid., s. 23].

В качестве основы любых преобразований важно иметь фундамент в виде концепции. Кемалистская революция, по мнению турецких авторов, имела такой фундамент, все преобразования проводились по принципам, основанным на философии позитивизма, который базировался на преобладании разума, а не интуиции и являлся основой принятия лаицизма и национализма, а те, в свою очередь, стали опорой для проводимых реформ. Таким образом, можно сказать, что государство было готово к решающим переменам. Их необходимость была очевидна уже в конце XIX столетия. Мустафа Кемаль Ататюрк смог осуществить революцию, а его талант руководителя, высокие цели, которые он перед собой ставил, позволили ему с успехом провести преобразования.

После упразднения султаната 1 ноября 1922 г. и провозглашения республики 29 октября 1923 г. Мустафа Кемаль придавал большое значение развитию системы образования в стране. Он верил в необходимость быстрой адаптации к современному миру и

увенчал свои военные победы экономическими, социальными и культурными. Он никогда не забывал о необходимости объединять воспитание и образование, понимал их важность для населения [Ibid., s. 28]. «Воспитание добродетельного, могучего поколения на основах науки, любящего изобразительное искусство, способного к совершенству нравственного и физического начала, является явным желанием нашей основной политики» [12, s. 7].

Установление единой системы просвещения было одним из шагов Ататюрка к новому государству. Эта цель была достигнута принятием закона *Тевхид-и Тедрисат* («О единстве образования») в 1924 г. и является первым культурным прорывом в истории республики [7, s. 916]. Согласно этому закону все образовательные учреждения, в том числе медресе и школы имамов-хатибов, переходили под юрисдикцию министерства образования, которое отныне отвечало за все, в том числе за финансирование религиозных учебных заведений, ранее находившееся в руках министерства шариата и вакфов [9, с. 67]. В результате именно денежный вопрос станет поводом к закрытию многих медресе. Религия, арабский и персидский языки отныне не преподавались в школах, их изучение было включено в программу высшего образования, дети уделяли больше времени изучению таких предметов, как история, география, турецкий язык [там же, с. 68]. В 1928 г. «культурная революция» делала первые шаги, но еще в 1935 г. из 40 тыс. деревень 35 тыс. не имели школы, и только 350 тыс. детей из 1,9 млн обучались грамоте [5, с. 266].

Развитие демократии в стране, по мнению турецких интеллектуалов, определяется культурным воздействием данной цивилизации: чем весомее культурные элементы, тем лучше работают демократические механизмы. Образование играет важную роль в передаче ценностей и, как следствие, в развитии цивилизации, являясь важным связующим элементом. Таким образом, культура, цивилизация и образование составляли треугольник концепций, играющих важную роль в качестве основы для реформ. Эти темы чаще всего поднимались Ататюрком на сессиях парламента и в публичных выступлениях с целью направить в этом русле массовое сознание. Реформатор был твердо уверен в том, что именно образованные люди, учителя и преподаватели, сыграют важную роль в продвижении политики и станут важным звеном в достижении целей.

Границы преобразований были чрезвычайно широки – от государственной жизни до интеллектуальной сферы, языка, истории, каждой отрасли искусства. Главная цель Мустафы Кемала в 1930-х гг. – выражение национальной культуры и ее развитие. И этому должно было способствовать развитие системы просвещения, становясь предметом постоян-

ного внимания. «Если бы я не был главой государства, я хотел бы стать министром образования», – признавался Мустафа Кемаль [там же, с. 265]. Тем не менее остро в повестку дня эта тема включается только в начале 1930-х гг. В 1932 г. Ататюрк обращается к министерству культуры и прогрессивной общественности, призывая их отнестись с особым вниманием к языку и истории как важнейшим ценностям нации, а затем отмечая необходимость продвижения молодежи в сфере изобразительного искусства.

В этот период активно создаются организации, цель которых – популяризация культуры ее достижений: народные дома и народные палаты. В создании таких организаций прослеживается влияние связей с советским государством, отношения с которым при Мустафе Кемале были весьма дружественными. В СССР была широко распространена практика создания домов культуры, главной задачей которых была культурно-массовая и просветительская деятельность. Аналогичной деятельностью занимались и народные дома, и народные палаты в Турции: они издавали газеты, открывали кинотеатры и библиотеки, устраивали концерты, организовывали археологические раскопки, устраивали выставки произведений художников. Помимо этого, существовали многочисленные кружки (от кройки и шитья до военной допризывной подготовки). Основной задачей новых учреждений стала пропаганда национальной истории, нового турецкого алфавита, ликвидация неграмотности и проповедь идеологии кемализма. Единственным различием было то, что народные дома открывались в крупных городах, а народные палаты – в небольших населенных пунктах, первые были открыты в феврале 1932 г. [7, s. 916]. В них Ататюрк видел способ более широкого распространения культуры в обществе и просвещения народа. В народных домах была представлена каждая отрасль искусства, и они занимались обучением граждан. Кроме того, это была хорошая возможность донести до широких масс идеологию кемализма.

Правительство Турции активно способствовало распространению школьного образования среди широких масс населения [1, s. 35]. Также эта задача возлагалась и на национальные школы. Закон об их открытии вступил в силу 20 ноября 1928 г. Эти школы открывались для обучения широких слоев населения новому алфавиту [10, s. 123]. Организации, проводившие культурную работу среди населения, способствовали сосредоточению внимания местных властей в провинциях на повышении уровня образования.

Важно отметить, что переломным стал 1933 г., так как именно в этом году был основан Стамбульский университет вместо упраздненного *Дарульфюнун* («Дома множественных наук»), существовавшие

го с конца XIX в. Новый университет стал главным центром образования, вслед за ним основан ряд высших учебных заведений и колледжей в Анкаре, государственная консерватория, городской театр Стамбула, художественные институты, технические школы и т. д.

Такие элементы культуры, как история, язык и искусство, являющиеся наиболее важными выразительными ее средствами, – главные элементы, которые делают нацию уникальной, и они удостоились особого внимания в культурной политике молодого государства. Были созданы Турецкая историческая организация (15 апреля 1931 г.) и Турецкое лингвистическое общество (15 июля 1932 г.), проведены конгрессы и подготовлены тезисы для ознакомления народа с его языком и историей; знание своего прошлого, гордость им, воспитание патриотизма предполагали готовность защитить свое государство. Не зря девизом турецкой армии во все времена были слова: «Независимость или смерть!»

Кемалистическая революция была призвана повысить интерес к науке и способствовать развитию научной мысли. Турецкие ученые стали обращаться к собственным историческим источникам и проводить современные исследования [7, s. 916]. Началось изучение истории, места нации в мировой истории и развития искусства [11, s. 43], таким образом, обогащалось национальное самосознание. Для эффективной работы в 1931 г. было создано «Турецкое историческое общество», после чего началось активное развитие археологии, организовывалось большое количество раскопок [1, s. 36]. Вытеснив религиозные догмы, наука и научная мысль вышли на первый план и стали компасом для дальнейшего развития социума [7, s. 916].

Следующий важный элемент культуры – язык – претерпел такие же кардинальные преобразования. В 1928 г. была создана Комиссия по реформированию алфавита, и за несколько месяцев арабская вязь была полностью заменена латиницей, что было закреплено в законе, изданном 3 ноября 1928 г. Новая письменность распространилась повсеместно и сделала образование доступнее.

Стоит отметить, что Ататюрк был не первым, кто заявил о неэффективности для современных коммуникаций арабского алфавита. В середине XIX столетия, когда активно развивались новые средства связи, такие как почта и телеграф, письменный язык стал важным инструментом передачи информации. Открытия новых учебных заведений в период Танзимата было недостаточно для того, чтобы сделать образование доступным, становилась все более очевидной необходимость реформирования арабского алфавита. Во второй половине столетия этот вопрос периодически поднимался и журналистами.

Первое конкретное предложение о преобразовании письменного языка сделал 12 мая 1862 г. министр народного образования Мюниф-паша на конференции *Джемийет-и Ильмие-и Османие* («Османского научного общества»), членом которой он стал после работы за границей. Уже тогда он поднял тему несоответствия арабских *харфов* (букв) особенностям турецкого языка, потому что этот алфавит не способен передать специфику произношения. Кроме того, уже тогда было очевидно, что арабский алфавит затрудняет обучение грамоте широких слоев населения. Это была та самая проблема, которую впоследствии решит Мустафа Кемаль. Мюниф-паша отмечал, что использование вязи препятствует развитию образовательной и журналистской деятельности. Он предлагал увеличить количество огласовок, что означало бы увеличение количества гласных букв. Как известно, в турецком языке их больше. Харфы и огласовки, на самом деле, неспособны целиком передать весь спектр турецких гласных звуков. Также Мюниф-паша предлагал внедрить отдельное написание букв в словах [10, s. 118]. Этот фактор значительно облегчил и ускорил бы обучение письму и чтению. Как известно, начертание арабских букв в составе слов значительно отличается от их отдельного написания. Поэтому процесс обучения чтению и письму требовал много времени, так как кроме букв в отдельности было необходимо учить начертание букв внутри слова. Если бы Мюниф-паша осуществил данное преобразование, то процесс обучения стал бы гораздо легче и занимал бы меньше времени. Идея реформирования алфавита поддерживалась многими писателями и прогрессивными общественными деятелями, такими как Ибрагим Шинаси, Али Суави, Намык Кемаль. Однако они выступали против кардинального изменения алфавита, так как опасались разрыва с историческим прошлым [Ibid.]. Во второй период конституционного правления при младотурках дискуссии продолжались, и уже тогда появились сторонники принятия латинского алфавита [Ibid., s. 119]. Это показывает, что Ататюрк не был новатором революционных идей, но был решительным лидером с грандиозными стремлениями, который смог претворить в жизнь проекты, необходимые для модернизации страны. Целью создания Турецкого лингвистического общества стало развитие языка и его возвращение к истокам: очищение от заимствований и введение в разговорную речь исконно турецких слов [7, s. 916].

Помимо принятия новой письменности, укрепления исторического сознания, реформы языка, была предпринята попытка обеспечить разностороннее социальное и культурное развитие посредством искусства и общественных организаций [1, s. 34]. Основатель нового государства придавал большое значение искусству в процессе модернизации. Как в

других развитых странах, он стремился развивать все его виды и привлечь внимание публики, сделав доступным для людей. По этой причине были открыты лицеи, консерватории, где можно было получить образование в сфере искусства, были приглашены специалисты из-за рубежа, активно шла подготовка молодых специалистов. Эта активность в культурной сфере привела к оживлению общества, во всех областях искусства исчезли веками сохранявшиеся запреты. Началось распространение полифонической музыки, развитие театрального искусства, предпринимались попытки познакомить население с западным искусством, в том числе с оперой и балетом. Открылось большое количество профильных учреждений, таких как кинотеатры, библиотеки, концертные и выставочные залы. Как было сказано ранее, эта работа шла в основном под руководством администрации народных домов.

Турецкие авторы подчеркивают в своих трудах, что культура начинается с характера нации и ее способности творить. Благодаря своему таланту люди создают и развивают культуру, прежде всего это развитие происходит в области литературы и изобразительного искусства. Здесь большое значение имеет духовный мир тех, кого принято называть деятелями искусства. Как сказал однажды Гёте в своем бессмертном произведении:

«Но без души и помыслов высоких

Живых путей от сердца к сердцу нет...» [12, с. 22].

Еще одной важной сферой революционных преобразований стала правовая система. Шариат был заменен современным правом, упразднены религиозные суды, издан Гражданский кодекс. Инновацией стало уравнение женщин в правах с мужчинами и наделение их правами в политической, экономической, социальной и культурной сферах. Ататюрк прекрасно понимал, что в гражданских обществах, которые существуют в западных демократиях, женщины играют не менее важную роль. Он видел, как они наравне с мужчинами трудились в тяжелые годы Войны за независимость. По его словам, матери и сестры заслуживают широких прав и возможности активно принимать участие в жизни общества. «В деревнях и городах я вижу, что лица женщин полностью прикрыты. Я уверен, что особенно в жаркое время года эта практика доставляет им мучение. Друзья мои, все это результат нашего эгоизма. Будем честны и внимательны. Наши женщины чувствуют и мыслят, как и мы. Пусть они покажут свои лица миру и сами внимательно смотрят на мир...» [5, с. 258]. Особенно он верил в важность женщин в системе образования. Ататюрк открыл для турчанок доступ ко всем профессиям.

«Отец нации» стремился реализовать в обществе широкомасштабные изменения во всех сферах жиз-

ни, все, что он делал с 1923 г., было продуманно и совокупно. Общей целью реформ является модернизация и развитие, основной принцип «*Истиклял-итам*» («Полная независимость») охватывает каждую сферу реформ. Культурная независимость занимала особое место среди основных элементов полного суверенитета, к которому стремился основатель республики.

Мустафа Кемаль боролся за то, чтобы привести население к более высокому уровню развития цивилизации, и никогда не терял веру в свою миссию. Всю жизнь он повторял: «Мы постараемся максимально приблизить наш народ к благам цивилизации, чтобы быть счастливой и процветающей нацией, мы вынуждены сделать это» [1, с. 35–36]. Несмотря на многочисленность реформ, именно их организованность позволила успешно модернизировать общество. Стоит отметить, что все преобразования основаны на идеологии кемализма и некоторые из них зачастую отвечают не одному, а нескольким ее принципам, так как одна и та же реформа могла оказывать влияние сразу на несколько аспектов жизни общества, способствуя решению одновременно нескольких задач. Так, например, принятие закона об унификации образования способствовало уменьшению влияния религии, усилило роль государства в системе образования, т. е. отвечало принципам лаицизма и этатизма, а реформа языка популяризировала образование и способствовала усилению национального самосознания, т. е. соответствовала принципам революционности и национализма.

Систематизируя выполненные преобразования, их можно разделить на несколько групп в соответствии с неразрывно связанными между собой элементами: культуры и цивилизации. Можно выделить, во-первых, реформы, направленные на модернизацию образования; во-вторых, усилия на построение турецкой цивилизации; в-третьих, преобразования, направленные на модернизацию основных элементов культуры, т. е. истории, языка и искусства. Процесс, начавшийся в 1920-х гг., продолжается и по сей день, по этой причине турецкая историография актуализирует, интерпретируя кемалистский принцип «революционности» («инкилябчилик» – «девримджилик»), подчеркивая непрерывность его продолжения через непрерывную эволюцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Uluskan S.* Atatürk'ün sosyal ve kültürel politikaları / S. Uluskan. – Ankara : AKDÜYK Atatürk Araştırma Merkezi, 2010. – 674 s.
2. *Turhan M.* Kültür Değişmeleri / M. Turhan. – İstanbul : Marmara Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Yay., 1997. – 207 s.
3. *Kafesoğlu I.* Türk Milli Kültürü / I. Kafesoğlu. – İstanbul : Ötügen, 1997. – 467 s.

4. *Фадеева И. Л.* От империи к национальному государству. Идеи турецкого социолога Зии Гёк Альпа в ретроспективе XX века / И. Л. Фадеева. – М. : Восточ. лит. РАН, 2001. – 214 с.

5. *Жевахов А.* Кемаль Атаюрк / А. Жевахов. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 344 с.

6. *Шпилькова В. И.* Младотурецкая революция : 1908–1909 гг. / В. И. Шпилькова. – М. : Наука, 1977. – 294 с.

7. *Yazıcıoğlu Ö.* Türklerin kültür tarihi / Ö. Yazıcıoğlu. – İstanbul : Kalipso, 2005. – 224 s.

8. *Kavcar C.* «Atatürk ve Kültür Reformu» / C. Kavcar // Erdem. – 1988. – № 5. – S. 915–924.

9. *Пальников А. М.* Политика кемалистов в отношении религиозного образования в Турции (1923–1938) / А. М. Пальников // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. – 2014. – № 2. – С. 63–75.

10. *Bozkurt İ.* Yeni alfabenin kabulü sonrası mersin’de açılan millet mektepleri ve çalışmaları / İ. Bozkurt, B. Bozkurt // Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi. – 2009. – № 8. – S. 177–135.

11. *Koç N.* Atatürk ve Güzel Sanatlar / N. Koç // Karabük Üniversitesi Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları Dergisi. – 2012. – № 2. – S. 41–54.

12. *Пастернак Б. Л.* Собрание переводов : в 5 т. Т. 3: Иоганн Вольфганг Гёте : Фауст : Трагедия / Б. Л. Пастернак. – М. : ТЕРРА, 2003. – 432 с.

Воронежский государственный университет

Горошков Н. П., кандидат политических наук, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения

E-mail: nikgoroshkov@yandex.ru

Отдел культуры телекомпании «Такт» (г. Курск)

Шподарева Ю. С., редактор

E-mail: schpodareva.yu2014@yandex.ru

Voronezh State University

Goroshkov N. P., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies

E-mail: nikgoroshkov@yandex.ru

Culture Department of the TV Company «Takt» (Kursk)

Shpodareva Yu. S., Editor

E-mail: schpodareva.yu2014@yandex.ru